

Михаил КОПЬЕВ

НЕКОТОРОЕ

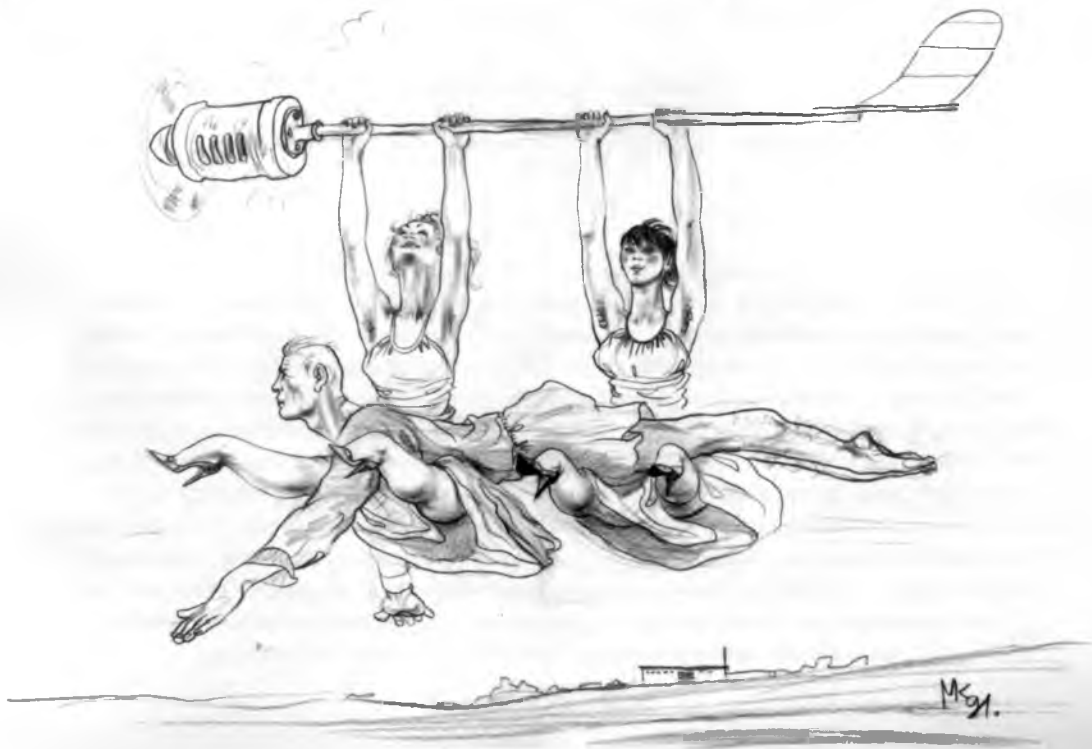
KI 1260835

В течение продолжительного времени я чисто прибегал к литературной форме изложения чего-либо для того, чтобы удержать то или иное ощущение, помогающее мне как человеку и, надеюсь, художнику. Конечно, я понимаю, что опыт может иметь и отрицательный результат. Со временем я увлекся, и сочинительство некоторый период занимало много времени в моей жизни. Все это предназначалось для узкого круга знакомых и друзей. Сейчас я рискую познакомить с некоторой маленькой частью своего такого вот опыта более широкий круг людей, присовокупив это к моим рисункам, которые начались в моей жизни аналогичным образом. Все это стало возможно при инициативе и человеческой поддержке такой мнительной и первой личности, как я, со стороны товарищества «арника», которое распространило на меня уверенность в возможности того, что мои опыты будут небезытересны и безвредны для зрителя и читателя.

В данное издание включена некоторая часть историй и рисунков, написанием и рисованием которых автор особенно увлекался в период с 1979 по 1991 год.

Девочки, играющие в прятки

4 (ИМ. поэт)

З

апели петухи. Заскрипели ставни.
Заурчали лифты. Шнорин спал. Он видел сон.
Потом проснулся. Сон не вспомнил. Он сегодня был
свободен от работы. Его друг знал об этом и
пришел в гости. Шнорин не знал о том, что друг
знал всё. Он сделал вид, как будто он торопится на
работу. Друг обиделся. Он встал. Он сказал:

— Я знаю всё.

Шнорин испугался. Он подумал не знаю что. Он
сказал:

— Ты друг, и это останется между нами?

— Что? — не понял друг.

Шнорин хитрил. Он засмеялся мелким смехом,
он хлопал друга по плечу, понимающе глядел.

— Что? — совсем не понял друг.

— Лучше выьем! — сказал Шнорин.

— Что? — вынул друг.

- ... Ну-ну! — вынул Шнорин и взглянул на друга с пониманием.
- Я, конечно... — начал было друг, но Шнорин не дал ему продолжать. Он прошептал:
- Запомни, что я для тебя всегда останусь тем же, что и всегда!
- Да, — согласился друг.
- ... Но и ты, — сказал Шнорин.
- Я! — согласился друг.
- ... Ты и я — это мы! — с нажимом сказал Шнорин.
- Так я же, — начал было друг.
- Вот и я говорю, — сказал Шнорин.
- ... Так ты не на работу? — спросил друг понимающе.
- Ну,— сказал Шнорин.
- Так, — сказал друг.
- Вот и я говорю, — вынул Шнорин.
- Когда это случилось? — вынул друг.
- Это было всегда, только я не знал об этом, — сказал Шнорин уклончиво.
- Так ты бы сразу, — сказал друг.
- Хотел! — нервно заговорил Шнорин. — Но не знал, как и что...
- Понимаю! — не понял друг.
- Ты-то — да, а я вот до сих пор — нет, — загрустил Шнорин.
- Хорошо с тобой! Ты извини! — начал друг. — Я-то думал...

Он подошёл к Шнорину, и долго они стояли молча, смотрели в окно. И долго стояли двое у окна. Нависли тучи дождевые. Но всё кончили влагу тучи. И вдруг ушлыли, не пролив ни капли, от порыва ветра. И ветер солнце показал. И облака сияли в сини. Умоет окна дождик нам. Очистит взгляд от летней пыли... осенний холод.

История №2

Чрез забор прыгнул заяц. Заяц остался видимым, так как уровень почвы на огороженной площадке был почти вровень с забором. Хозяина огороженной площадки звали Кривошее Анатолий Федорович. Он поймал зайца и посадил в клетку.

К клетке он прикрепил табличку и написал на ней: «Заяц — русак. Кличка — Боря. Обитает в средней полосе и питается растительностью лесов средней полосы». Он подумал ещё и приписал: «Не кормить!».

Последнее он приписал зря, ибо к нему никто не ходил.

Его все избегали, так как он был человек прямодушный, ему никто не нравился и он об этом каждому говорил.

Нравилась ему лишь его соседка, она жила в доме напротив, через улицу. Звали её Хлористилена Модестовна Брауншвейг.

Он часто думал о ней и мечтал о том, что когда-нибудь она войдёт в его дом хозяйкой. Х. М. Брауншвейг ходила на работу мимо дома Анатолия Федоровича и каждый раз видела его фигуру, возвышающуюся над забором. Он ходил на памятник.

Хотя он был уже два года на пенсии, вид его был импозантен. Внушительная фигура, седые, пышные волосы и пронзительные глаза под голубыми очками. Он кивал ей и снова погружался в раздумья, опершись на лопату, которой он почти никогда ничего не копал, а просто любил стоять, опершись на нее.

Однажды Хлористилена Модестовна остановилась и спросила:

— Анатолий Федорович! Почему у Вас земля так высоко, почти вровень с забором?

-- Мне нечего скрывать, — сказал А. Ф.

Она ждала продолжения, но А. Ф. после паузы улыбнулся и повторил:

— Скрывать мне нечего.

Наконец, она поняла и, рассмеявшись, тряхнув белокурыми кудрями, заспешила дальше. а он стоял, опершись на лопату, и смотрел вверх ее головы. Он думал о том, что все-таки у них разница на целых двадцать с лишним лет, что из их союза выйдет, и выйдет ли...

...Заяц сидел в клетке, которую А. Ф. вынес во двор, и криво улыбался. А. Ф. подошел к зайцу, посмотрел на него хмуро и сказал:

-- Не нравишься ты мне, фауна!..

Заяц смотрел косо и насмешливо.

— Не правился бы — не ловил бы, не сажал бы в клетку! — сказал он чуть картавя.

— Не бесчинствуй умом, Боря! Зачем ты полез сюда? — спросил А. Ф.

— Да я просто хотел взглянуть, какой идиот делает себе пьедестал из участка земли, — ответил заяц. — Не думаешь ли ты, что я мог позариться на твой огород, которого у тебя нет?..

— Молчи заяц! Ты уже получил ответ на все свои вопросы. Вот я перед тобой, а почему я так сделал — ты только что слышал.

— Вранье, — сказал заяц. — Да отпусти меня, не убегу.

А. Ф. выпустил зайца, заяц сел у клетки, почесал за ухом и продолжил:

— То, что ты сделал, — лучше всякого обыкновенного забора, и ты знаешь почему.

— Да, это так. Мне не нравятся долгие и нудные разговоры с соседями по домам, а кто будет слишком много общаться с таким странным человеком, как я?..

— Ты думаешь, что человек, который сидит у себя во дворе и беседует с зайцем, — это не привлечет внимания многих через некоторое время? — спросил заяц.

— Но это отвлечет людей от моего внутреннего мира, — сказал А. Ф. Он продолжил:

— Так ты пойдешь или останешься у меня?

Заяц подумал. Он остался. Они стали жить вдвоем.

Однажды Хлористилена Модестовна остановилась у забора и увидела зайца. Заяц подошел к ней.

— Хлористилена! — сказал он. — Ты видишь зайца, но видишь ли ты правду жизни? Тебе 38 лет, и ты не скрываешь этого, раз ты не скрываешь это — тебе нечего скрывать и твоя жизнь может быть правомерной только в рамках, совпадающих с этим забором.

Хлористилена заплакала от радости и вошла хозяйкой в дом Анатолия Федоровича, который поморщился, но потом подумал: «Если бы не Боря, это было бы проблематично еще долго, а проблем я не люблю...»

Хлористилена Модестовна оставила работу, она стала хорошей домохозяйкой, регулярно вычесывала пух у Бори и вязала теплые вещи Анатолию Федоровичу. Анатолий Федорович стоял часто, как всегда опершись на лопату, и смотрел вдаль. Он старел, земля на его участке опускалась, она, под влиянием дождей, утекала с водой сквозь щели в заборе. А. Ф. уже не имел сил восстановить все, как было, попросить жену он не решался, она же вовсе не страдала от изменений на участке земли. По-прежнему весела была она, приветлива. Боря был не очень весел, но и не печалился.

Однажды Анатолий Федорович осознал, что вдаль он может глядеть лишь через щель в заборе. Хлористилена Модестовна вскоре увидела его. Он лежал на земле около забора, где щели были особенно широкими, и широко открытыми глазами сиреневого цвета смотрел в небо. Голубые очки, разбитые, лежали рядом. Так овдовела Хлористилена Модестовна. Боря исчез. Это было еще одним ударом для Х. М. Что стало с зайцем — неизвестно. Стареющая дама искала общения с соседями, ей было тоскливо одной, но ее речи казались странными, особенно разговоры о зайце. Многие уже успели забыть о нем, а были и новые люди, которые никогда его не видели. Людям, помнящим А. Ф., вскоре стало неудобно выглядеть идиотами, поддерживая разговор с Хлористиленой, и они стали избегать ее. Она не понимала этого и становилась все навязчивее. Соседи обратились в психиатрическую больницу с просьбой проконсультировать Х. М., и так она покинула свое жилище навсегда. Жила она после долго, может быть, живет и сейчас...

Уман

Карамель-поручик Пескин напевал перед зеркалом, причесывая волосы, брови, усы. Он шевелил радостно усами, причмокивая и погружаясь в созерцание пыли на зеркале,

засиженном мухами. А мухи летали вокруг, жужжали оптимистично, не убиваемые, не прогоняемые. Пескин посмотрел на мух, погрозил пальцем, хохоча, и убежал по делам, топя ноги в начищенных полусапожках. Дома остался квартирант карамель-поручика бедный студент Утин. Он недавно получил первое научное звание «Начинающий мыслить» и поэтому купил себе золотую серьгу в ухо. Ухо было не проколото, и серьга была вроде ни к чему. Но Утин не отчаялся. Он взял иглу потолще и проколол себе ухо. Потекла кровь. Утин ей истекал. Он побледнел, ослабел и упал. Но он не пропал совсем. Вернулся карамель-поручик Пескин и, заверещав от возбуждения, предвосхитив подвиг в воображении, не раз стрелянный, опытный в боях, остановил кровь, используя свое умение. А когда ухо зажило, они с Утиным вставили серьгу длительным правильным способом. Утин был счастлив. Он скоро получил звание «Начавший мыслить», а карамель-поручик стал трюфель-капитаном. Они с Утиным не раз вспоминали о случае с серьгой и, прихлебывая пунш, отчаянно смеялись.

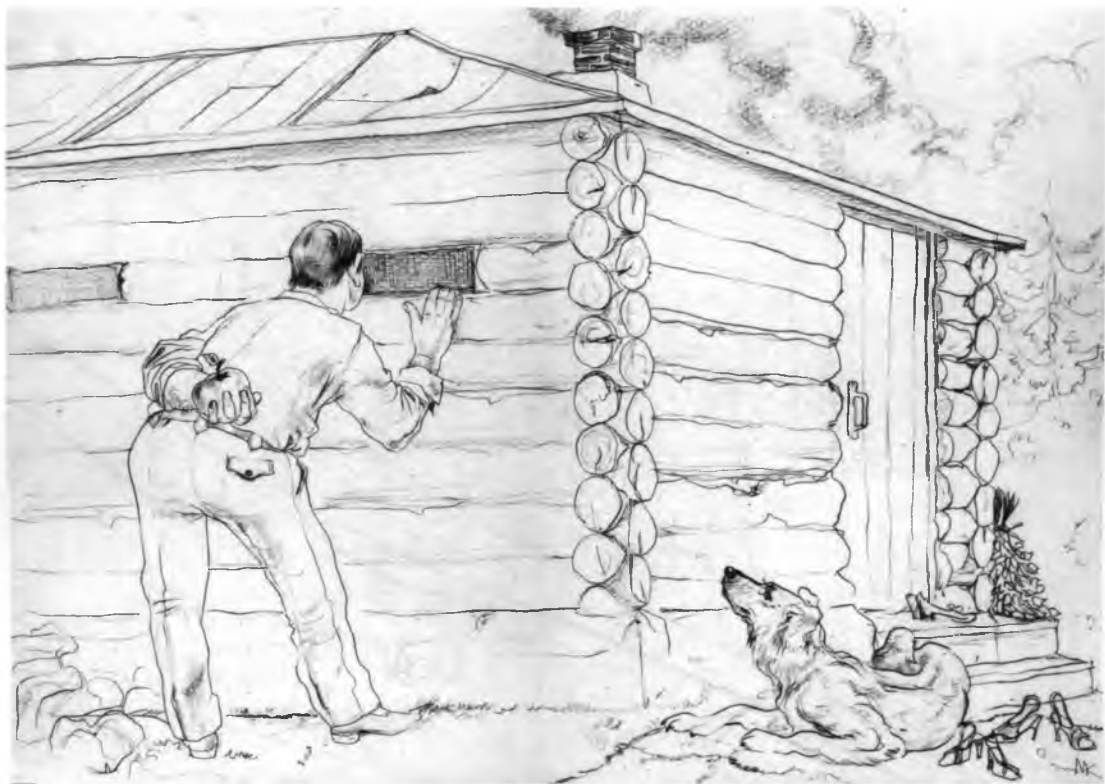
— Я существую, следовательно, мыслю, — говорил Утин, стирая слезы смеха, и они продолжали прихлебывать пунш.

Однажды Утин женился, и жена Утина, не преодолевая страсти, наблюдая за причисыванием трюфель-капитана, кинулась и немедленно изменила мужу в объятиях трюфель-капитана, не успевшего включить свою могучую, закаленную в боях волю и ставшего жалким рабом инстинкта именно поэтому. Потом трюфель-капитан включил волю и сиропил:

— Почему вы здесь?

Но было уже поздно. От огорчения трюфель-капитан перестал быть блестящим офицером сразу же. Утин вернулся, заметил это и все понял. Он съехал с квартиры, оставил жену Пескину, помня чувство благодарности, и ушел с головой в науку, достигнув со временем звания «Кончившего мыслить». А жена Утина кусала локти, потеряв мужа, прославленного в науках. И хотя Пескину удалось вернуть свой блестящий вид, он не мог без угрызений совести

взирать на искусанные локти близкой женщины и потому застрелился. А бывшая жена Утина ушла в актрисы. И только когда Утин иной раз глядел на себя в зеркало, блеск серьги в седых кудрях мыслителя напоминал ему о безвременно ушедшем товарище. Но он вспоминал сразу же о том, что он уже «Кончивший мыслить». А трифель-капитан — какой же товарищ человеку со столь высоким званием! И он утешался. Но ненадолго. Он думал о том, что если бы Пескин не ушел из жизни, он бы дослужился до положения, достойного товарища Утина. Он нашел свою бывшую жену и спросил ее о том, дослужился бы Пескин или не дослужился. Она, глотая слезы, отрицательно покачала головой. И тогда, утешившись, Утин дал ей немного денег, и вернулся к себе, и жил долго и счастливо, погружившись с головой в науки, которые знал настолько досконально, что уже и думать не надо было.

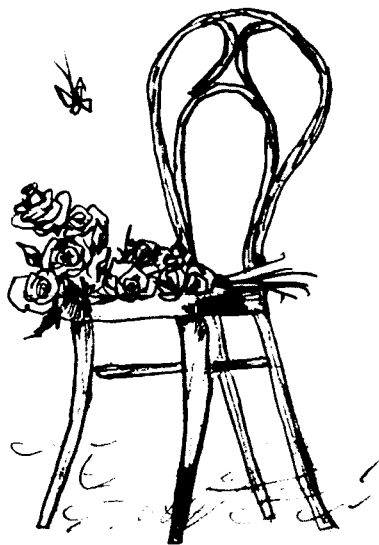

М.К.Г.

Девушка, отвергающая домогательства соблазнителя

W: 4. *

У

... лица была прохладна. Солнце не успело еще проникнуть сюда, в коридор, образуемый близстоящими домами, и только ясное синее небо говорило о будущем состоянии этого места. Туда — вниз и вдаль — пролетел стриж, пролетел очень быстро. При этом распахнулось окно Тихолевова, и сам хозяин высунулся, протирая глаза.

Мой сосед, притаившийся на балконе, встал с

низенькой скамейки и сумрачно-пристально стал глядеть на Тихолева. Еще один стриж пронесся вниз и вдалеку.

Это заставило моргнуть моего соседа и трусливо улыбнуться Тихолева.

— Жена моя у тебя? — прошептал мой сосед.

Тихолев молчал, задумавшись, потом вдруг резко и визгливо произнес с вызовом:

— Что ты можешь дать этой женщине, осквернитель ожиданий?! Да знаешь ли ты, что только со мной вкусила она неразбавленного хандрой счастья, когда утром с оханкой цветов я приближаюсь медленно к ее постели, улыбаясь загадочно и распахивая на пути моем стулья?

— Стулья целы пока? — спросил мой сосед.

Тихолев не успел ответить, за его спиной показалась жена соседа, счастливая и слегка вопросительная улыбка блуждала на губах, слезы счастья угадывались.

— Обрела? — спросил сосед.

Жена его стояла, улыбаясь, молчала. Потом она обратила к Тихолеву взор и произнесла:

— Я обрела.

Сосед сел снова на низенькую свою скамеечку. Из-за балконной ограды были видны только его лоб и глаза, с ненавистью глядящие. Я лег, свесил голову с крыши, чтобы меня было хорошо видно всем троим, и сказал соседу:

— Друг мой! Я сильно сомневаюсь в том, что Вы проиграли. В выигрыше все! Ведь Вы могли не знать всей правды и были бы обмануты. Вы — в числе немногих, знающих о себе правду. Когда вам кто-то из женатых друзей посочувствует, вы можете принять это, но сопроводив общими фразами о женах большинства мужей и сочувственно взглянув на собеседника.

— Не слишком ли тонко? — с некоторым пренебрежением смотря на меня, спросил Тихолев.

Я обозлился. (Я всегда злюсь, когда не понимают всей глубины моей мудрости.) Я сказал:

— Вы, мегафон причесанной похоти! Что Вы можете знать о том, что тонко или не тонко?..

В сравнении с Вашим мировосприятием все тонко настолько, что может быть унодобрено паутине в лесу, когда путник, проходя, разрывает ее лбом или там чем и замечает ее только тогда, когда она щекочет веко или там чего, и этот путник — Вы!

Издав легкий смех, жена соседа запустила в меня маленьким шариком, который, не долетев, оказался драже и укатился вниз.

— Давайте кидать в него! - крикнула жена соседа.

Сосед почему-то тоже стал пекать чего-нибудь под рукой. А Тихолевов стал брать у жены соседа драже, целуя ей попутно руки. Я встал. Соседу я уже не был виден.

— Счастлив быть не советующим, но амортизирующим, — сказал я. — Вы, двое — и драже, — вдумайтесь!

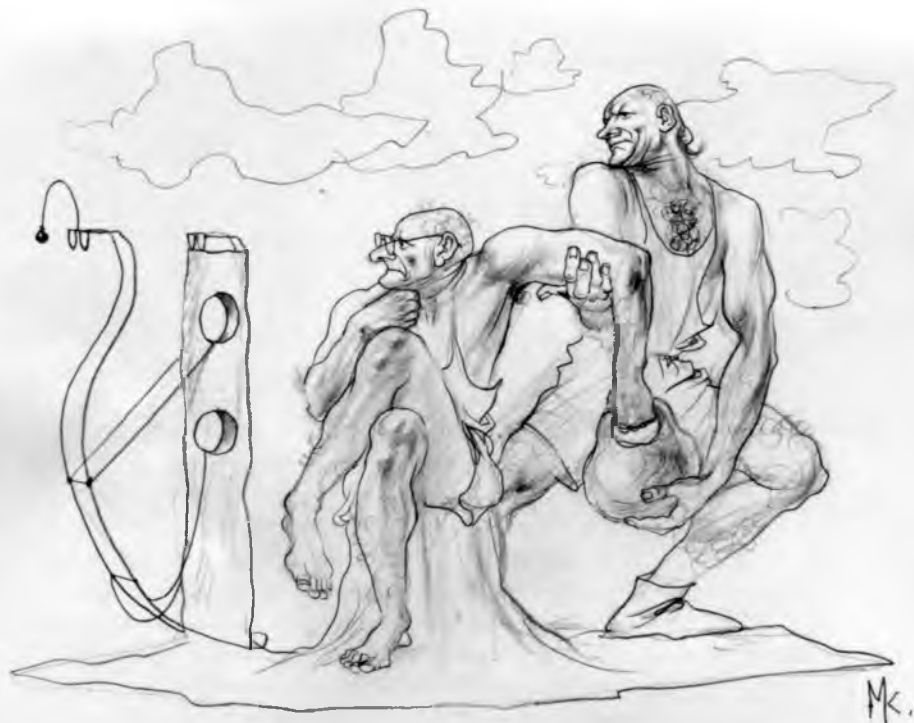
Я не хотел больше тратить на них свой ум, оскорбляя его величие предметом рассуждений.

Я удалился на другую сторону крыши, где была пожарная лестница.

Вслед донеслось:

— А какого черта ему там надо?

Я не спеша спускался вниз, с удовлетворением думая о том, что уж вот этого они не узнают никогда.

Работа над скульптурой «Старинное танго»

ISBN 5-89137-002-6.

Издание: 1P № 063462 от 15.06.1994.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «АРМИНА»® (ВОЛОГДА, РОССИЯ) & ДИР КМЕРУ «КАРПАК» (ЭКОЛТЕ, КОРОЛЕВСТВО НУПЕРЛАНД)®

© 1997. Все права защищены. Тираж и прачечная дистрибуция только в республике Нунобекландия.